

Оксана
ЛЕБЕДЬ

ПОСЛЕ
РАЗВОДА

Ты не сможешь без меня

Оксана Лебедь

После развода. Ты не сможешь без меня

<https://litres.ru/74203493>

Аннотация

— Любишь? — спрашиваю, губы кривятся от злости. — Ей ты тоже это говорил?

Его лицо — сначала удивление, потом привычная легкая раздражённость.

— Ты не должна устраивать спектакль, — говорит он. — Посмотри, ты не в себе. Завтра остынешь и сама всё поймёшь. Ну это же... Ну это же просто секс, он ничего не значил. Не нужно делать такую драму из-за ерунды...

— Театров больше не будет, — говорю я резко. — Ты возмёшь свои вещи и свалишь. Я подаю на развод. И ты можешь спать с кем захочешь, и никто тебе не будет устраивать спектакли.

Он усмехается, не воспринимает мою угрозу.

— Серьёзно? Ты подаёшь на развод?

— Да. — Голос ровный, но дрожит.

— И хочешь выставить меня из моей же квартиры? — усмехается дальше. — Оглянись, Вера. Тут всё моё. Вся твоя жизнь — моя. Всё принадлежит мне. Ты правда думаешь, что на твои каракули можно вот это всё купить?

Восемь лет я делала всё, чтобы дать жизнь. А мой муж в это время развлекался с секретаршей — и даже пытался скрыть последствия этой связи, отправив девочку на аборт. Он предал меня дважды. Забрал всё. Теперь я могу подарить жизнь себе.

Содержание

1	5
2	16
Визуал Веры	23
3	25
Визуал Алексея	30
4	32
5	39
6	45
7	51
8	57
9	64
10	70
11	77
12	83
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Я выхожу из клиники и несколько секунд просто стою под дождём, не понимая, куда идти. Капли попадают в глаза, стекают по щекам, будто я плачу, хотя слёз уже нет.

— Не получилось. Эмбрион не прижился, спокойно, с ноткой сожаления и сочувствия сказала врач.

Третья попытка. Я словно проклята. Все еще расплачиваюсь, за то что не уберегла.

Сажусь в машину, хлопок двери глушит шум улицы. В салоне пахнет лавандой из кондиционера. Телефон дрожит в руке. Пальцы немеют, но я всё равно набираю номер мужа.

— Алло. — Леша отвечает сразу и от его голоса все внутри сжимается, чувствую вину перед ним. Он так ждет. Так сильно хочет детей, а я...

— Лёш, — голос дрожит, я слышу эту дрожь и злюсь на неё, — опять.

Короткая пауза. Я прямо слышу, как он на той стороне выдыхает.

— Что «опять»?

— Не получилось.

Внутри что-то проваливается ещё глубже, хотя, казалось, дальше уже некуда.

— Эй, — говорит он тихо. — Ну не плачь, ладно? У нас всё получится, Вер. Просто не сразу.

— Это уже третий раз, — шепчу я, слова встают поперек горла.

— Значит, будет четвёртый, — он делает ту самую маленькую паузу, будто улыбается. — Ты же знаешь, я упрямый. Мы справимся. Мы ведь оба этого хотим?

Он говорит спокойно, уверенно, как всегда. Его голос будто держит меня за руку, но тело всё равно дрожит.

— Врач сказала, что, может, дело не в теле, — произношу я, уткнув взгляд в руль. — Что организм просто не хочет принимать жизнь. Отталкивает.

— Не слушай, — мгновенно отрезает Леша. Голос стал жестче, но всё ещё мягкий только для меня. — Ты здорова, просто время не пришло. Я приеду вечером, куплю что ни будь вкусненькое по пути. А ты сейчас поедешь домой и будешь отдыхать! Ни каких забот! Ни каких плохих мыслей!

Я чувствую, что вот-вот сломаюсь, внутри словно все рывается.

— Хорошо, — соглашаюсь я, чтобы не расстраивать его.

— Умница. Не накручивай себя, ладно? Все у нас будет, просто не сейчас. Я люблю тебя.

— Я тоже тебя люблю.

Он кладёт трубку. Я смотрю на экран, пока слово «завершено» не гаснет. Как будто вместе с ним гаснет ещё одна маленькая надежда.

Иногда организм не хочет принимать жизнь, сказала врач. Он защищает вас от боли, которую вы не готовы пе-

режить снова. Может вам поработать с психологом? Вы перенесли потерю, которую возможно еще не пережили...

Мне тогда было двадцать семь. Пять месяцев... Двадцать первая неделя... Девочка... Я уже называла её в голове по имени, хотя вслух не решалась. Монитор, ровная линия, рука врача на плече: *«Сердце остановилось»*.

Я помню, холодный металл стола. Помню запах железа и хлорки. Помню тишину после — такую плотную, что я думала, оглохла.

После — годы, вычеркнутые анализами, баночками с витаминами, уколами, надеждами, которые аккуратно складываешь в голове, как пластиковые контейнеры в холодильнике.

Первое ЭКО. Первая надежда и первая неудача.

Второе.

Теперь третье.

Всё ради того, чтобы мы стали настоящей семьей. Чтобы чистый детский смех зазвучал в нашей квартире.

Я включаю двигатель. Дворники лениво гонят дождь по стеклу. Смотрю на дорогу, но толком не вижу. Всё плывёт.

Домой ехать не хочу. Там стены знают слишком много. Там кровать, в которой мы считали месяцы и по ночам шептались «а вдруг». Там ванная, где я сидела на холодной плитке и слушала себя, не слыша ничего.

Мне нужен он. Не дом. Человек. Голос, который говорит «мы справимся». Я поворачиваю к его офису.

Рука сама прикладывает пропуск к турникету. Охранник кивает, как всегда.

— Здравствуйте, Вера Андреевна.

— Здравствуйте, — губы говорят автоматически.

Лифт поднимается слишком медленно. В зеркальной стене — женщина с бледным лицом и слишком широко раскрытыми глазами. Я отвожу взгляд.

На месте секретарши пусто. Стул отъехал, на столе — кружка с отпечатком помады, телефон, блокнот.

Из кабинета доносится его голос. Мой. Тот, под который я засыпаю.

— Я сказал, Аня, хватит. Мы договорились.

Второй голос — женский, слишком молодой, дрожащий.

— Алексей, я не пойду на аборт. Я не могу.

Я замираю. Мне кажется, что я не дышу. Просто стою, уцепившись пальцами за ручку двери. Кожа на костяшках белеет.

— Ты должна, — говорит он спокойно, размеренно, как на совещании. — Мы всё обсудили.

— Это твой ребёнок! — она почти кричит. — Наш!

Слово «ребёнок» больно звенит в груди. Я чувствую его физически — как удар изнутри.

— У меня есть жена, — почти кричит Леша. — Жена, слышишь? Я не собираюсь рушить свою жизнь из-за твоей глупости.

«У меня есть жена». Я. Та самая, которая сейчас стоит за

дверью, с дырой внутри вместо сердца. Он произносит это не как признание, а как аргумент. Как щит.

— Но ты говорил, что любишь меня...

— Я говорил, что мне с тобой легко. Это не одно и то же.

В горле поднимается тошнота. «Легко». Мне с ним никогда не было легко. Ни в двадцать семь, ни в тридцать, ни сейчас. Я таскала на себе эти анализы, надежды, расписания, себя.
Легко ему было не со мной.

Дышать трудно. Воздух стал вязким, как кисель. Лёгкие будто наполняются камнями.

— Я не сделаю этого, — шепчет она. — Не смогу.

— Значит, я сделаю так, что тебе придётся. — Его голос становится жёстче, ниже. Я такого в нём не слышала. — Не испытывай меня, Аня. У меня есть ресурсы.

«Ресурсы». То, чем он платил за наши попытки стать родителями. И теми же ресурсами сейчас давит на другую женщину, чтобы она убила то, что мне никогда не дано удержать.

Стул скребёт по полу. Шаги — быстрые, нервные.

— Пошла вон отсюда, — говорит он. — И если ты не избавишься от этого... Пеняй на себя!

Дверь распахивается, и секретарша вылетает в коридор. Совсем девочка. Красные глаза, тушь размазана, руки дрожат. Она не сразу видит меня, врезается плечом, тепло её тела обжигает.

— Простите, — шепчет она, закрывает рот ладонью, чтобы не разрыдаться вслух, и бежит прочь.

Я стою, прижатая к стене. Ноги ватные. Колени подгибаются. Если отпустить дверь, я просто сползу на пол.

Леша появляется в дверном проёме. Фигура, знакомая до боли. Я смотрю на него, но прошу чтобы мои глаза ошиблись. Чтобы это был не мой муж.

Наши взгляды встречаются. Мир сужается до двух точек: я и он. Офис исчезает. Шум из коридора тоже.

— Вера... — он говорит моё имя так, как никогда не говорил. Голос чуть подрагивает — Что ты здесь делаешь?

Я открываю рот, но воздуха нет. В груди тяжёлый ком, не протолкнуть ни слова.

— Ты... давно стоишь? — он делает шаг ко мне.

Всё тело напрягается.

— Достаточно.

Леша моргает, словно время на секунду остановилось. Потом пытается собраться, натянуть привычную уверенность.

— Подожди, — он поднимает ладони, как будто меня нужно успокаивать. — Ты всё не так поняла.

Я смотрю на него. На губы, которыми он только что говорил «аборт», «жена». На руки, которые гладили меня по спине в коридоре больницы восемь лет назад.

— Она... — он быстро ищет слова, — Я просто хотел ей помочь, а она...

— Я слышала больше, — заторможено произношу я.

Все знаю, все понимаю, но сознание словно отказывается это принимать.

Леша чешет затылок, осторожно берет меня под руку и заводит в кабинет, помогает сесть на стул, даже протягивает стакан воды, но я мотаю головой.

— Она не от меня беременна. — Он быстро выбирает дру-
гую стратегию. — Я... Я просто предлагал ей помощь... Ну
как-то решить её проблему, — только его лось выдають тря-
сущиеся руки.

Это почти смешно. Во мне поднимается короткий, исте-
рический смешок, но я его глотаю, он выходит чем-то рва-
ным, как кашель.

— Алексей, — говорю я, и голос уже не похож на мой.
Глухой, охрипший, — я слышала всё! Весь разговор!

Он замирает. Глаза чуть прищуриваются, как у человека,
которому дали пощёчину, но он ещё не понял, откуда.

— Что именно? — спрашивает тихо.

— Всё, — выдыхаю. — От начала и до конца.

Он смотрит пару секунд, потом устало опускается на край
стола. Проводит ладонью по лицу, растирает виски, как буд-
то это просто плохое совещание.

— Господи, Вера... — голос низкий, сорванный. — Я не
хотел, чтобы так вышло.

Слёзы сами текут по щекам. Я их не вытираю. Нет смысла.

— Это всё... — он ищет слово, — это ошибка. Понима-
ешь? Глупость.

— Ошибка, — повторяю. — Ошибка — когда случайно
повернул не туда. А ты сознательно шёл в другую сторону.

Он поднимает на меня глаза. В них — и вина, и усталость, и какая-то детская обида, что его поймали.

— Я... — он делает вдох. — Я просто сорвался. Мне нужно было... отвлечься. Тебе может быть тяжело это слышать, но вся наша жизнь последние годы — это больницы, врачи, слёзы. Ты живёшь только этим. Я тоже устал. — Меня трясёт. Каждое его слово — как соль на открытую рану. — Это была физиология, Вер. Только тело. Никаких чувств. Понимаешь? Никаких. Я люблю тебя. Только тебя. Всё остальное ничего не значит.

И вот тут что-то внутри меня просто рвётся. Я вскакиваю со стула, во мне столько гнева, злости, всего сразу, это какая-то гремучая смесь и она рвется наружу.

— Физиология, — ору я. — Ты называешь это физиологией?

Он делает шаг ближе, осторожно, как будто я опасна. Хотя... Да, я сейчас опасна, вообще не понимаю что происходит с моим телом, с эмоциями.

— Вера, пожалуйста. Мы столько прошли. Я не хочу всё потерять из-за...

— Ты отправил её на аборт, — перебиваю. Голос резкий, я никогда раньше не слышала его таким — Ты заставлял её убить ребёнка.

Он дёргается, как от удара током.

— Не говори так, — шепчет он и на его лице появляется испуг. — Всё не так однозначно.

— Это очень однозначно, Алексей, — я сама удивляюсь, что могу говорить, когда горло пережато. — Я восемь лет пытаюсь дать жизнь нашим детям. А ты тем же голосом, которым говорил мне «всё получится», отправляешь другую женщину убить её ребёнка.

Рука сама поднимается. Я не успеваю ни остановить её, ни обдумать.

Пощёчина звучит громко, резко. Удар обжигает пальцы.

Леша не отшатывается — только замирает. Медленно проводит пальцами по щеке, где уже проступает красное пятно. Смотрит на меня так, будто впервые видит не удобную, тихую Веру, а кого-то другого.

— Ты убиваешь, — шепчу. — Когда я трачу всю себя, чтобы хоть кто-то внутри меня выжил.

Глаза расплываются, он становится пятном. Я моргаю, слёзы текут сильнее.

Он открывает рот, хочет что-то сказать — наверняка что-нибудь про «я всё исправлю», «мы разберёмся», «это ничего не значит».

— Не надо, — говорю я, поднимая руку. — Ничего не объясняй.

Мир расфокусирован. Стены, свет, его лицо — всё плывёт. Я делаю шаг назад.

— Давай поедem домой, — он делает шаг. В голосе — паника, которой я раньше не слышала. — Просто домой. Мы сядем, поговорим нормально. Я уверен, ты сможешь ме-

ня понять. Я мужчина, мне нужна легкость, женственность, чувства.

У меня все плывет, мне кажется я прямо сейчас упаду, если не уйду. Не хочу чтобы это хотя бы произошло у него на глазах.

— Мне нужно... выйти, — я глубоко и часто дышу, но воздуха все равно не хватает.

Разворачиваюсь. Почти не чувствую ног, тело тяжелое. Но я иду, даже перехожу на легкий бег.

— Вера! — кричит Леша мне вслед. — Подожди!

Я не оборачиваюсь. Если обернусь — сломаюсь. Начну кричать, бить, плакать, упаду ему под ноги, буду просить: «скажи, что это не правда, скажи, что это был не ты».

Я бегу, не видя ничего. Лестница, пол, воздух — всё слилось.

В лифте я нажимаю кнопку и чувствую, как пальцы дрожат так сильно, что попасть по цифре сложно. Двери закрываются.

Грудь сжимает так сильно, что я хватаю воздух ртом. И вдруг из меня вырывается тихий, рваный звук — то ли смех, то ли рыдание.

Двери открываются на первом этаже. Охранник что-то говорит, я киваю, не слыша.

На улице дождь хлещет сильнее. Я иду к парковке, не чувствуя ног. Сажусь в машину, ключ дрожит в пальцах, зажигание не срабатывает с первого раза.

Светофоры, фонари — всё расплывается.

Я влетаю в квартиру и хлопаю дверью — звук хлещет, будто пощёчина.
Тишина. Только тиканье часов и запах его парфюма. Он давит на грудь. Всё давит.

Гардеробная — мой фронт сегодня. Его вещи, выстроенные по линейке: рубашки, костюмы, галстуки. Всё ровно, аккуратно, как будто и не было ничего, кроме порядка.
Я хватаю одну рубашку, другую, пиджак — швыряю в чемодан.

— Аборт, — шепчу я словно проклятие. — Ребёнок... аборт.

Слёзы текут, но какая-то часть меня уже не плачет — она кипит.

— Тварь, — выдыхаю в пустоту. — Подонок! Мерзавец!
Звук ключа. Щелчок. И уже через секунду в дверях Леша, стоит, глаза узкие, раздражение в голосе.

— Вера?! — кричит он, осматриваясь вокруг. — Что за...
Что ты творишь?

— Уборка, — говорю, не оборачиваясь. — Избавляюсь от мусора.

Он медленно переступает через вещи на полу, осторожно пробираясь ко мне.

— С ума сошла? — говорит раздражённо, но сдержанно.
— Прекрати, Вера! Мы поговорим! Я понимаю, тебе тяжело...

Своим сладким голосом Леша пытается смягчить — «давай успокоимся», «не устроим сцену». Это его стандартный ход: уменьшить, обнять словами.

— О чём ты хочешь поговорить? — С силой бросаю в чемодан рубашку. — О чём? Про аборт? Про секретаршу, которую ты заставляешь убить ребёнка?

Он застывает на мгновение.

— Не начинай. Ты всё поняла неправильно, — ровно, тонким дипломата отвечает муж.

— Я всё поняла правильно! — вспыхиваю. — Ты спал с ней! У меня за спиной! Пока я бегала по клиникам, пока я истязала себя уколами, ты спал с ней и теперь хочешь, чтобы она убила ребёнка! — Он делает шаг, пытается взять меня за руку — нежно, по-умному. — Не трогай! — вырываюсь, чемодан падает, вещи сыплются.

— Вера, ты истеричка, — говорит он устало, будто ему надоело объяснять очевидные вещи. — Ты изводишь и себя, и меня. Кому от твоей истерики легче?

— Я изводила себя ради нас! Ради ребёнка, которого у нас нет из-за тебя! — я рычу словно зверь, мне хочется наброситься на Лешу, разорвать его в клочья, содрать с лица эту физиономию спокойствия.

Он бьёт кулаком по двери гардеробной, дерево дрожит. Я вижу, как он начинает терять контроль.

— Ты вся в жалости к себе! Думаешь, это делает тебя святой? — со злостью плюёт в лицо обвинением.

— Нет, — шепчу, не отводя глаз. — Это делает меня живой. В отличие от тебя.

Леша делает шаг назад.

— Вера... — голос меняется — мягкий, почти жалостливый. — Выдохни. Успокойся. Мы же взрослые люди. Ты же знаешь, я тебя люблю. Просто... устал.

«Люблю» — и рядом «устал». Сочетание, которое убивает.

— Любишь? — спрашиваю, губы кривятся от злости. — Ей ты это тоже говорил?

Его лицо — сначала удивление, потом привычная мелкая раздражённость.

— Ты не должна устраивать спектакль, — говорит он. — Посмотри, ты не в себе. Завтра остынешь и сама всё поймёшь. Ну это же... Ну это же просто секс, он ни чего не значил. Не нужно делать такую драму из-за ерунды...

— Театров больше не будет, — говорю я резко. — Ты возмёшь свои вещи и свалишь. Я подаю на развод. И ты можешь спать с кем захочешь, и никто тебе не будет устраивать спектакли.

Он усмехается, не воспринимает мою угрозу.

— Серьёзно? Ты подаёшь на развод?

— Да. — Голос ровный, но дрожит.

— И хочешь выставить меня из моей же квартиры? — усмехается дальше. — Оглянись, Вера. Тут всё моё. Вся твоя жизнь — моя. Всё принадлежит мне. Ты правда думаешь,

что на твои каракули можно вот это всё купить?

Его глаза скользят по комнате, как по своей собственности, и в его тоне — не вопрос, а приговор. Я замираю, в голове пустота.

— А когда-то ты восхищался моими «каракулями».

— Вер, ну... — он поджимает губы, словно давит что-то в себе.

— Отлично. Тогда уйду я. Здесь всё твоё — только не я!

Поворачиваюсь, хватаю другой чемодан, он с грохотом падет на пол и раскрывается.

Тут же тянусь за платьем, но Леша перехватывает его раньше.

— Это? — он держит красное платье, трясет им словно в его руках какое-то важное доказательство. — Ты хочешь забрать это? Серьёзно? — усмешка съедает тон. — Вера, это куплено на мои деньги. Всё это — я: квартира, мебель, одежда, даже твоя чёртова студия. Всё моё! — в его взгляде я чувствую какое-то пренебрежение.

Резкими движениями пытаюсь скинуть с себя платье, молния застревает, и я слышу треск ткани. Плевать! На все! Скидываю платье. Стою перед мужем только в нижнем белье, внутри дрожь, но руки действуют ровно.

Леша отходит, в его глазах — паника, смешанная с непонимание. Он думает я окончательно свихнулась, но в тоже врем, он излучает уверенность что я вот-вот успокоюсь, что я дошла до грани, и что после этого я все прощу.

Вываиваю красное платье из его рук и надеваю. Шелк липнет к коже; красный — стальной, как приговор. Лёша говорил, что я в нём похожа на королеву. Вот и я стану королевой, которая уходит из его жизни! Уйду ни с чем, зато красивая и с гордо поднятой головой!

— Что ты делаешь? — Леша хрипит.

— Ухожу красиво, — резко бросаю я. — В том, что ты оплатил. Спасибо за подарок, милый.

— Ты ненормальная, — с какой-то любовной насмешкой произносит он.

— Может быть. Но я ухожу.

Хватаю сумку с кровати, достаю оттуда карточки.

— Вот, — резко произношу я, и швыряю их ему в их грудь. — Твои деньги. Всё твоё. Мне от тебя они никогда не были нужны, а больше ты ничего не можешь дать.

Он теряет терпение. Хватает меня за плечи, дергает, встряхивает. Больно. На рефлексе я почти сразу толкаю его в грудь. Леша отшатывается, спотыкается, чувствует удар.

— Ты ни дня без меня не протянешь! — рычит он, голос злой, раздраженный.

— Плевать, — шиплю я в ответ. — Главное — подальше от тебя. Я лучше сдохну, чем останусь с тобой. Ты — убийца! Ты убиваешь все вокруг себя!

— Это было просто физически! — выпаливает он, как будто это оправдание, не видя границы. — Я переспал с ней один раз — и что? Это просто секс, ничего больше. Ты не

можешь из этого делать трагедию! Хватит! Я прошу тебя, успокойся!

Он повторяет одно и то же, словно это что-то может изменить.

Измена для меня — это не главное. Главное — ребёнок, чья жизнь будет ценой измены. Мне плевать, что он переспал с кем-то... Не плевать, это больно! Но все затмевает то, что Леша хочет убить невинного ребенка! Это не ребенок решил появиться! Это не от него завесила их связь! Это душа, которая выбрала момент, чтобы появиться на этот свет, а Леша... Мне даже дышать становится сложно, перед глазами все темнеет. Я столько лет пыталась, молилась, чтобы вновь ощутить в себе это зарождение чуда, а мой муж... хочет убить. Теперь все его слова поддержки, все слова о его желании стать отцом, становятся фальшью.

— Это не «физически», — мой голос звучит мягко и спокойно, я уже внутри понимаю что это конец. — Это жизнь. Это выбор. Ты просил её убить ребёнка, Лёша. Ты не просто переспал с кем-то — ты захотел стереть следы и тебе плевать какая будет цена! Нельзя иметь детей от человека, который убивает их!

Он моргает, как будто пытается осознать что я только что сказала.

— Ты всё преувеличиваешь, — шепчет он, пытаясь опустить голос, сделать меня маленькой. — Ты всё драматизируешь. Мы люди, бывают ошибки. Я люблю тебя, и я хочу

детей! Но только от тебя!

— Ты называешь это «ошибкой»? — рычу я. — Ты дал жизнь и думаешь, что имеешь право решать, было ли это ошибкой или нет?

Он делает шаг ближе. Рука тянется — неуверенно, будто боится спугнуть. Я отшатываюсь, как от пламени.

— Послушай, — говорит он, тихо. — Это было глупо. Я... я просто хотел отдохнуть. Это не значит, что...

— Отдохнуть? — я смеюсь без радости. — Ты так и не понял, что я тебе говорю! Мне плевать... Плевать! Я бы простила измену! Да, я люблю тебя и я бы как дура простила тебя! Если бы ты ошибся один раз и пришел ко мне... Но ты просил убить ребенка! Ты мне омерзителен! Мне даже смотреть на тебя противно! Я ненавижу тебя всем сердцем!

Я стою и смотрю на него так, будто вижу впервые. Всё, что он говорит, — пустой звук. Леша не понимает меня, не понимает мою боль.

Красное платье холодит плечи. Разворачиваюсь и иду к двери, голова кругом, ноги подкашиваются. Мне кажется, что я вот-вот рухну на пол без сил.

Леша делает резкий вдох.

— Ты приползёшь! — кричит он, когда я касаюсь ручки двери. — Через день, через два — приползёшь! Ты не сможешь без меня!

— Я ведь правду думала, что у нас все получится, — тихо говорю я, открываю дверь и выхожу.

Визуал Веры

Вера Орлова, 35

художница-график, иллюстратор (в прошлом — перспективная студентка художественного института, подающая большие надежды).

Вера — человек, который до последнего выбирает доброту, терпение и надежду.

В 25 вышла замуж. Забеременела в 27 — первая беременность была долгожданной, но закончилась замершей. Она винит себя до сих пор: *«Я не досмотрела», «не уберегла», «мне нельзя было радоваться так рано»*. Врачи говорили, что это случается часто, но для неё это стало точкой, где жизнь разделилась на «до» и «после».

После потери она прошла три ЭКО — каждый раз надеясь, боясь, ломаясь. Гормоны, анализы, ожидание, ложные надежды, иглы, боль — всё это лишило её не только сил, но и творчества.

Последние 8 лет Вера жила в мире, где существует только цель — стать матерью, и ради этой цели позволяла мужу быть тем, кем он хочет. Она перестала рисовать, перестала жить, перестала спать без таблеток — стала функцией, не женщиной.

Она не работала полноценно все эти годы — только брала

небольшие заказы иллюстраций, чтобы не мешали «циклам и подготовкам».

Это убило её веру в себя как в художника и как в человека.

Алексей

Гардеробная на растопашку, костюмы, рубашки, галстуки, все на полу, чемодан открыт.
Тишина режет. Она ушла. Развернулась и ушла!

Первые секунды — ступор. Я просто стою, не знаю, куда идти. Бежать за ней? — мысль вспыхивает, как спичка. Бежать — это признать свою слабость. Да и что мне сейчас это даст? Только пощечину получу или еще хуже.

Дышу неровно. Пальцы сжимаются в кулак. Кожа тянется, костяшки белые. Сейчас... Еще минуту... Вот-вот... Но тишина. Я не выдерживаю, все внутри кипит от злости! Какого хрена! Она ушла! Сердце учащённо бьётся, ладони мокрые. Я хочу схватить телефон и поехать. Но что я скажу? «Прости»? «Я дурак»? Нет. Любовь — не оправдание. Она тоже должна понять меня! Я тоже каждый раз прохожу через пытки!

Я злюсь на себя. Живо, остро. «Идиот», — кричу внутренне. «Как ты мог?»
Рву вешалку из стены, швыряю её на пол — звук громкий, как будто переводит боль в действие.

Телефон гудит — Аня. Сбрасываю. Да какого хрена ей вообще приспичило именно сегодня это сообщить! Зачем мне вообще надо было это знать?! Её ребенок — это её проблема!

Да, я был с ней не один раз. Сначала — случайно. Потом

— удобно. Вера всё время жила этими анализами, уколами, циклами. Аня была лёгкой. Без планов, без истерик. С ней можно было забыться. Просто дышать. Да и я нормальный мужик, ну кто устоит, когда перед ним молодая девка, задницей крутит прямо перед носом? Ну сорвался... Ну что в этом такого? Все изменяют! Да почти у всех моих знакомых по любовнице, а то и не по одной!

А я что? Я не искал любви. Я искал тишину. Просто хотел немного отвлечься, переждать эту бурю. Это ведь все пустое. Ни чего не значит!

Память заталкивает картинку взгляда Веры у дверей кабинета. Не истерика. Не слёзы. Резкость. Решимость. Разочарование. Она взглянула на меня и увидела меня настоящего — без фасада. И в этом — было столько невозврата, что голос внутри меня на секунду замолчал.

Эта мысль пробирает до костей. Я пытаюсь отмахнуться. Нет, не может быть. Она вернётся, как всегда. Через день-два. Плач, «прости», «все мы ошибаемся», и мы снова будем вместе. Возможно, я даже сам попрошу прощения или сделаю жест доброй воли, покажу, что прощаю ее и готов забыть о ее небольшой истерике.

Но рядом сидит другой голос — маленький, шершавый: «А если нет?» Я отталкиваю его, стараюсь не слушать. Лучше стоять и ждать, чем бегать, умолая. Лучше держать позицию.

Бью кулаком по стене. Ладонь пульсирует, но это приятно

в своей простоте. Боль отгоняет все мысли. Я кричу сам себе грязные слова, называю себя сволочью, придурком. Я ненавижу себя!

Боль отрезвляет и словно напоминает мне кто я. Выпрямляюсь и прохожу по комнате. Делаю вид, что всё в порядке. Она навела этот бардак, вернется и пусть прибирает. Перешагиваю свои рубашки. Я купил ей эту квартиру. Я оплатил студию. Я дал ей безопасность. И она считает себя свободной от этого долга? Ха.

Грубо улыбаюсь самому себе. «Пусть погуляет. Пусть подумает». Такая уверенность в ней от того что она не испытывала нужды, занималась чем хотела, а без меня так не получится. Она скоро поймет чего лишилась!

Но внутри всё равно кто-то шепчет: «ты виноват, ты разрушаешь». Я давлю и это. Ненавижу себя — и это чувство режет сильнее, чем любая вина.

Проходит первый день. Ничего.

Второй. Тишина.

На третий — даже раздражение сменяется какой-то глухой тревогой.

Она не пишет. Не звонит. Не появляется у офиса. Не присылает сообщений через подруг.
Как будто исчезла.

Проверяю её инстаграм — пусто. Она живая, просто решила играть в молчанку. Хорошо. Играй.

Смотрю на телефон и впервые за три дня понимаю, что мне не хватает не её тела, не привычки, а того, как она смот-

рела на меня.

Чёрт!

Смешно, но внутри мелькает страх. Маленький, мерзкий. Я давлю его. Нет. Не позволю. Я не проигрываю. Я не тот, кто умоляет. Если Вера думает, что я стану бежать за ней — пусть думает. Наоборот. Пора напомнить, кто здесь хозяин.

Маленький страх просачивается: «А если не вернётся?». Я сглатываю и превращаю в план. Беру телефон и звоню адвокату. Надо подтолкнуть ее к принятию решения, дальше так продолжаться не может.

— Подготовь бумаги на развод. Всё имущество на мне, счета — тоже.

— Вас устраивает стандартный пакет?

— Нет. Сделай так, чтобы у неё не осталось ничего. Ни квартиры, ни студии. Ни копейки. Моя жена должна остаться без всего.

Слышу, как адвокат делает короткий вдох.

— Я вас понял.

Кладу трубку. Внутри становится тише. Не легче — но тише.

Контроль возвращается. Пусть гуляет. Пусть думает. Пусть почувствует, что свобода стоит дорого. Когда поймёт — придёт. Все приходят. И она тоже приползет!

Если нужно, я подожду. День. Неделю. Плевать.

Она увидит бумаги — и вспомнит. Кто платил. Кто решал.

Я выдыхаю. Теперь всё под контролем.

Когда документы готовы, юрист направляет их мне, подписываю, и отправляю с курьером обратно. Пусть увидит, что я настроен серьёзно. Впервые за трое суток позволяю себе тишину. Теперь инициатива — моя. Я уверен: увидев бумаги, она позвонит. Через десять минут? Через пятнадцать? Считаю минуты, как ставки.

Визуал Алексея

Алексей Соколов (39 лет)

Владелец строительной фирмы, жёсткий руководитель, привыкший решать всё через контроль.

Действительно любит Веру.
 Не романтично, не мягко — болезненно привязано, собственнически, как «моё».
 Она — его дом, его тихий центр, единственная, кто принимал его без условий.

Потеря ребёнка стала для него ударом не меньшим, чем для неё — но он выбрал не говорить, а закрыться.
 Его измены — это не поиск любви.
 Это побег от чувства провала.
 От Вериного молчаливого горя, от собственного бессилия, от страха быть увиденным слабым.
 С любовницей он чувствовал себя снова «мужиком», «успешным», «живым».

Успех, деньги, фирма — всё это он выстроил, чтобы заполнять пустоту.
 Но именно статус и власть сделали его хуже:
 ему начало казаться, что всё в жизни должно подчиняться его воле — включая чувства Веры.

Алексею страшно признавать, что он разрушил семью.
 Поэтому он выбирает гнев, контроль, манипуляции — потому что так он не чувствует стыда и боли.

Вера Соколова

Я не помню, какой сегодня день. Третий? Четвёртый? Все одинаковые.

Я лежу на диване у Марины. Иногда сажусь. Голод где-то там, в другой вселенной.
Сон тоже. Вообще я словно умерла.

В голове пусто. Не фон, не мысли — просто тишина.

Марина что-то говорит, включает телевизор, приносит еду. Я киваю, не слыша. Она уходит на работу. Где-то далеко живёт город, а здесь — пустота и тиканье часов.

Я не смогла пойти к родителям, не хочется чтобы они переживали и расспрашивали меня о произошедшем. Мне больно даже вспоминать про то, что было.

Телефон лежит на тумбочке. Молчит. Я не жду звонка, но время от времени смотрю на экран. Не ожидала, что после такой бури наступит мертвая тишина. Меня словно выкинуло из мира. Словно я и не существую.

Звонок мобильного бьёт по ушам, резкий, громкий. Номер не знаком, но я все равно отвечаю.

— Да... — язык почти не шевелится.

— Вера Андреевна Соколова? — мужской голос, вежливый, сухой.

— Да, это я, — выдыхаю безжизненно.

— Вас беспокоит юридическая компания «Белов и партнёры». Мы представляем интересы вашего супруга, Соколова Алексея Викторовича. Хотел уточнить адрес для доставки оригиналов документов по делу о расторжении брака.

Я молчу. Секунда. Две. Мир трещит. По телу пробегают мелкие импульсы тока.

— Что?

— Документы на развод. Алексей Викторович уже их подписал, осталось поставить только вашу подпись. Мы можем выслать копии на почту для ознакомления и передать оригиналы курьером. Либо вы можете подъехать в наш офис в любое удобное для вас время, чтобы всё прошло быстрее. Ну, конечно, если вы согласны со всеми условиями.

Я слышу слова, но не понимаю их. Они как гул сквозь воду.

— ...На почту, — говорю автоматически. — Я... я сама приеду.

Он диктует почту, и я подтверждаю, что это моя, хотя не разобрала ни звука.

— Хорошо, уже отправил. Если будут вопросы — звоните. А так же ждем вас в офис. Адрес есть в письме, что я только что вам направил.

Щелчок. Тишина. Я смотрю на телефон и не понимаю — что только что произошло.
 Он подал на развод. Уже подписал. Всего несколько дней. Воздуха не хватает, в груди сжимается, будто что-то давит изнутри.

Дверь открывается — Марина. Громкий голос, запах кофе врывается вместе с ней.

Пытаюсь встать — не могу. В голове — пустота и паника одновременно. Вспоминаются сотни маленьких вещей: его рубашка на стуле, его привычка класть одну ложку в раковину, его голос ночью. Я вижу, как он уходит от меня в дверях офиса — и на этом картинка распадается. Это не сцена, это факт: он вычеркнул меня. За три дня... Я люблю тебя, кричал он мне всего несколько дней назад.

— Я купила вкусненькое! Булочки, кофе, вот этот сыр, что ты любишь... — Останавливается и пристально смотрит на меня. — Вера? — ее голос начинает дрожать, словно она только что увидела покойника. — Что с тобой?

Я поднимаю глаза.

— Он подал на развод.

— Что?

Я поворачиваю к ней экран телефона. Письмо открыто: *«Уведомление о начале бракоразводного процесса. Истец — Соколов А.В.»*

Марина медленно садится рядом, потом резко хватается мой телефон.

— Он совсем что ли? Мужики после такого с подарками все пороги околачивают! — листает, брови поднимаются всё выше. — Охренеть! Он требует признать всё имущество своим. Квартиру, машины, студию, твои картины — даже технику! Совсем офигел! — Я смотрю в пустоту. — Он изме-

нил, заделал ребенка на стороне, и ещё хочет всё забрать! — орёт она. Слова Марины летят, как пули. Я закрываю уши ладонями, но не могу перестать слышать. Каждое слово бьёт в виски, и чем громче она говорит, тем тише внутри меня. — Нет, ну ты видела? Это не мужик, это... — она часто дышит. — Да это вообще не лезет ни в какие границы! Это.... Кем надо быть? Нет уж, мы это так не оставим. — Марина тут же вскакивает, суетится, ищет сумку.
— У моей подруги была похожая история. Там юрист — акула! Просто чудовище в юбке! Мы его сейчас разденем до трусов, всё по закону! Плакать будет, что вообще посмел письку свою совать куда не надо! Козёл!

Гром её слов врывается в мою тишину, и на мгновение я завидую ей — Марина горит, она действует. Я только сижу и смотрю, как утекает жизнь.

Кольцо на пальце — теплеет от ладони. Я провожу по нему большим пальцем — и ощущаю маленький, дикий укол: почему я носила это так долго? Почему оно теперь кажется чем-то чужим? Я не просто снимаю кольцо — выдираю. Оно застревает, цепляется за кожу, будто тоже не хочет отпускать. Под ним белый след — след собственности. Встаю, сжимаю крепко его в кулак, а затем кладу на журнальный столик.

— Вер, слышишь? Мы найдём юриста, подадим встречный иск, он пожалеет!

— Не надо, — тихо произношу я, чувствую, что мир во-

круг меня уже умер.

— В смысле — не надо?! Ты с ума сошла! Ты всю жизнь на него потратила! А у тебя талант! Ты бы всего достигла, если бы не бегала ради него по клиникам!

— Мне ни чего не надо. Пусть забирает, — Я сама пугаюсь силы своего голоса. Он вырывается, как будто кто-то внутри наконец заорал вместо меня.— Пусть ВСЁ забирает!

Марина застывает.

— Что?

— Всё. Пусть забирает квартиру, студию, деньги, машину и что там ему еще надо!

— Ты с ума сошла? Он изменил тебе, унизил, а теперь ещё хочет оставить без копейки!

— Пусть. Для него это важно. Деньги, вещи, контроль. Пусть всё будет у него. А я буду свободна! Я больше не могу быть здесь. Мне... — я начинаю задыхаться, во мне что-то оживает, требует выплеснуться. — Я... Я должна уехать.

Мысль приходит внезапно. Здесь в Москве, я не спрячусь от самой себя, от той кем я была рядом с Лешей, а она уже мертва. Я должна оставить все в прошлом и этот город тоже. Чтобы найти себя и начать новую жизнь.

— Куда?

— В Питер, — от этого слова на душе теплеет. Там я училась, жила совсем другую жизнь. Дышала, мечтала, строила планы. А здесь... Здесь только я умирала, мелено. — Я должна это сделать! Если я не уеду сейчас же я просто умру.

Буду ковыряться в своих мыслях, обидах, умру в жалости к себе.

— Вер, не делай так... Ты понимаешь, так нельзя. Он должен...

— Это я должна! — Слова вырываются сами. И вдруг я понимаю — впервые за эти дни во мне появилось хоть что-то похожее на жизнь. Решение. Пусть безумное, но моё. — Должна ради себя. Чтобы больше не завесить от него! Чтобы не чувствовать эту удавку на своей шее из его денег и власти.

Пауза. Марина смотрит на меня, ее разрывает, она вроде понимает меня, но не хочет так все отпускать. Делает глубокий вдох, все ее тело расслабляется.

— Пусть забирает, чёрт с ним, — шепчет она и даже улыбается. — Надеюсь, его деньги согреют его ночью.

— Не переживай за него, — я усмехаюсь. — Найдутся те, кто ему поможет.

Марина подходит ко мне и обнимает.

— Почему жизнь так не справедлива? Почему кому-то все, а кому-то...

— Потому, что я могу выдержать больше. Для меня это не конец. Я начну все заново, найду себя там, где потеряла.

Она не отвечает. Только крепче прижимает.

И тут словно что-то щёлкнуло, что-то проснулось во мне. Хватаю сумку, кошелёк. Движения резкие, неровные, будто тело живёт само по себе.

— Вера! — крик из-за спины. — Куда ты?!

— К юристу, — бросаю, не оборачиваясь. — Подписать всё.

Дверь хлопает. Быстро иду, почти бегу. Сердце колотится — не от страха, не от злости, от чего-то нового, дикого.

Телефон в руке дрожит. Открываю сайт, покупаю билет. Без раздумий. Первый поезд. Сегодня. Через четыре часа. Пальцы дрожат, но нажимают «оплатить». Со своей карты, с той на которую приходили деньги с небольших заказов иллюстраций.

В офисе. Мужчина в костюме говорит что-то о подписях, пунктах, имуществе, правах. Я киваю, не слушая. Подписываю. Раз. Два. Три. Каждая подпись — как удар молотка по крышке гроба. Он протягивает последнюю страницу:

— Вот здесь. И всё.

Ручка скользит по бумаге. Точка.

Я выхожу на улицу, в меня будто вставили новое сердце — но не моё, чужое. Оно так мощно бьется в груди, что кажется я могу свернуть горы.

Сажусь в такси. Чемодана нет, вещей нет — только сумка и билет в телефоне.

И вот, через несколько часов, Питер встречает меня дождём. Холодные капли бьют по лицу, но я не прячусь. Денег едва хватит, чтобы снять угол, но внутри — столько силы, что страх не пробивается. Я наконец дышу. Свободно.

Алесе́й Соколов

Конец рабочего дня. Я сижу в кресле и делаю вид, что занят — проверки, отчёты, почта. На деле — проверяю телефон и жду звонка. Несколько часов назад сделал шаг, который должен был расставить все точки. Вера молчит. Держится. Молодец! Чем дольше молчит, тем спокойнее я. Всё идёт по плану. Пытаюсь сам себя обмануть.

Юрист всё ещё не звонил — странно. За что я ему плачу? — мелькает раздражение. Бумаги готовы. Он все еще не сообщил Вере? Она уже должна позвонить!

Медленно выдыхаю, чувствую как все тело напряженно. Мне жарко, душно, я словно в клетке, а не в офисе. Я сделал ход, прицелился, нажал кнопку. Теперь — время. Все должно сработать, но почему-то тишина. Прошло больше четырех часов, а от Веры даже смс не пришло.

Телефон вибрирует на столе, я моментально хватаю его. Номер юриста. Не тот кого я ожидал, но может Вера что-то передала? Откидываюсь на спинку кресла, принимаю вызов.

— Слушаю, — как можно спокойней произношу я, кровь закипает. Какой твой будет следующий ход, дорогая супруга?

— Добрый вечер, Алексей Викторович, — ровный голос.
— Я только что передал в суд оригиналы по делу о растор-

жении брака. Хотел уведомить: процесс идёт, по срокам — пара недель, и вы будете свободным человеком.

«Свободным человеком». Слова падают прямо в грудь, словно удар. Я замолкаю. Смех сначала тихий, потом нервно громкий. Нет! Нет! Какой свободный человек? Нет! Я же ослышался? Нет! Вера не могла согласиться на эти условия! Это же бред! Да кто в здравом уме... И тут перед глазами вновь этот ее взгляд возле кабинета, полный разочарования. Такой словно она умирает.

— Что вы сказали? — выдавливаю я.

Юрист говорит по делу: копии, протоколы, ходатайства, обеспечительные меры. Для него это работа. Для меня — приговор. И вдруг в его голосе появляется ещё одна строчка: «К тому же — она пришла в наш офис и подписала все бумаги, согласилась со всеми условиями».

Мой мир дергается. Слово про «подписала» — как удар током. Я будто слышу его в замедленной прокрутке: «подписала... согласилась...».

— Так что, суда не будет. Согласие сторон, но на все стандартные процедуры примерно пара недель.

В ушах гул, голова как в тумане. Шаги в коридоре кажутся далёкими. Я опираюсь о стол, ладони скользят по дереву. Внутри — чувство которое рвет меня на части, все закипает внутри и я взрываюсь.

— Что значит «подписала»? Как она могла подписать? Вы что, не видели что там написано? Она не могла этого подпи-

сать! Ни кто бы не подписал такое скотское соглашение!

— Мы действовали строго по вашим инструкциям и по порядку. Документы были оформлены в соответствии с протоколом; когда Вера пришла — ей всё объяснили, она подписала добровольно. Ваша подпись так же была на всех документах, вы так же ознакомились и дали указания, — его тон спокойный, профессиональный.

Руки трясутся. Кресло отъезжает назад. Я начинаю задыхаться от злости и от того, что теряю контроль над ситуацией, которой вроде бы управлял. Стены офиса сдавливают, и я понимаю: сценарий пошёл не по моей дирижёрской палочке.

— Ты всё сделал не так! — рычу в трубку. — Ты отвечаешь за это. За что я тебе платил, если ты позволил ей подписать?! Я разве этого хотел?

— Вы просили подготовить пакет документов и довести до суда. Мы действовали согласно вашим указаниям. Если хотите — подадим встречные документы, обжалования. Но факт: она подписала и вы тоже, — меня раздражает его спокойная интонация, моя жизнь рушиться, а он спокоен.

Скидываю вызов. Перед глазами все плывет. Этого не может происходить в реальности! Не может! Я... Я ей нужен! Она не может!

Упираюсь ладонями в стол, сердце гремит. Во мне всё трясётся. Хватаю телефон, начинаю набирать ее номер — абонент вне зоны действия сети. Набираю снова, и снова — пустота, холодный, металлический голос сообщает, что аба-

нент не в сети. Паника поднимается, как горячая волна.

Дальше — автоматически: номер её матери.

— Алло? — радостный голос Ирины Степановны.

— Да, Ирина Степановна, вы разговаривали с Верой?

— Что? Прости? Мы почти неделю не созванивались... У вас что-то произошло?

— Нет, я... послушайте, вы не знаете... — но тут я понимаю, что ее мать даже не в курсе, что мы с Верой поругались. Значит Вера даже не приезжала к ним. — Мы немного повздорили. Если она позвонит, скажите... — черт как тяжело, я не привык уступать. — Скажите, чтобы набрала меня.

— Конечно. А что случилось-то? — её голос невинно растягивает слова.

— Ни чего. Так просто ссора.

— Если она придет, я конечно скажу. Но Вера не их тех кто выносит ссор из избы. Сейчас погуляет, успокоится и придет. Не переживай ты так. Вера не может долго обижаться, она ведь тебя любит так же сильно как и ты ее.

— Хорошо, — я кладу трубку.

Опускаю голову на трясущиеся руки. Впервые голос внутри — не обвиняет других, он обращён ко мне: «Придурок. Конченный придурок. Сам всё разрушил». Слова прорезают тишину офиса жёстче любого крика.

Я встаю резко, хожу по кабинету как зверь по клетке, ругаюсь, бью кулаком по столу. В каждом движении — паника, в каждом жесте — попытка вернуть то, что утекло. Отчаяние

скользит в ярость и обратно. Я понимаю: она не просто ушла — она подписала. Она согласилась, на все мои условия! Ради чего? Чтобы уйти от меня?

Хватаю ключи и ухожу из офиса. По дороге к машине в голове всё крутится — смесь злости и пустоты. На улице вечер, пробки сдавливают движение до рывков. Я давлю на газ, ругаюсь на машины, на светофоры, на время. По дороге мысли все перемешаны: «бежать за ней», «подать в розыск», «ушла, мне же легче».

Ключи в замке — и я в своей квартире, где всё должно быть моим. Но только это все словно чужое. Несколько вещей Веры лежат небрежно на диване: шарфик, книга с закладкой, её кисти для рисования. Она так и ничего и не убрала. Так и не вернулась! Я беру подушку с кровати — ту, на которой спала Вера. Вдыхаю. Запах её — тонкий, привычный, и он режет. Режет потому что она уехала и оставила это здесь. Потому что этот запах больше не мой, он как доказательство её отсутствия. Доказательство, что я потерял контроль.

Сжимаю подушку в кулаке. Сердце колотится как безумное. В голове — ударная волна. Потом — взрыв.

— Она ушла? — вырывается из меня. — Как она посмела уйти? — Кричу в пустоту квартиры, хотя знаю, что крик её не вернёт. — Раз так? Отлично. Ушла — валяй. Плевать на неё.

Голос дрожит, но в словах есть решимость. Я кидаю по-

душку на пол, хочу выкинуть и Веру из головы, но это невозможно.

Ночь обрушивается быстро. В голове — список дел, четкий и холодный. Я не стану ждать её мольбы. Я не оставлю ничего на волю случая. Я буду действовать. И когда она вернётся — я уже буду другим человеком. И уже буду решить, стоит ли давать ей обратно то, что она сама бросила. Хочешь развод? Ты его получишь, дорогая!

Только проходит неделя, а звонка так и не поступает, Веры нет. Я весь извожусь, но держусь уверенно. Она вернется! Я знаю. Она не сможет без меня! И вот передо мной документы на развод, официальная, розовая бумага, которая словно кричит : «Она смогла! А ты?».

Вера Соколова

Кафейня на углу, маленькие столики под навесом. Люди бегут на работу, кто-то спорит по телефону, кто-то ловит такси. А я просто сижу и смотрю. Без цели. Делаю глоток кофе. Ветер с Невы режет щеки, но я не ухожу — здесь, на улице, можно хотя бы чувствовать, что я живая.

Две недели. С момента, как я подписала бумаги и сбежала. Родители в шоке. Мама говорила, что Леша звонил им, искал меня, а я даже не могу понять, что чувствую, здесь мне стало дышать легче, но я так и не смогла найти себя.

Живу в хостеле. Комната на четыре человека, тесно. Сплю плохо. По ночам слушаю, как за стеной кто-то плачет в подушку. Иногда думаю, что это я, просто в другой комнате.

Деньги тают. Остаток на карте минимальный, еще пара недель и мне даже на обратный билет не хватит. Родителям о своих проблемах, говорить не хочется. Знаю, что они скажут, чтобы я возвращалась. Но куда? Работы пока нет. Я писала нескольким знакомым — тишина.

Капля падает с навеса на стол, и снова достаю блокнот. Белый лист. Уже вторую неделю — белый лист. Рука не поднимается. Что внутри, выжжено.

— Вера? — Голос кажется знакомым, но будто из другой жизни.

Я поднимаю глаза и на секунду не верю. Передо мной — Станислав Сергеевич. Бывший куратор в институте. Высокий, всё такой же спокойный, с полностью седой головой. Он смотрит с улыбкой, с удивлением и каким-то тёплым недоумением.

— Вот уж кого не ожидал увидеть. — Он садится напротив, не спрашивая разрешения. По-доброму улыбается. — Ты же... ты вроде в Москве жила?

— Да-а-а, было такое, — тихо говорю я, на душе становится как-то теплее.

— Что, сбежала? — в его голосе нет насмешки, только интерес.

— Почти.

— А я всегда говорил, Москва не для творческих людей! — он улыбается, и от этой улыбки вдруг становится больно. Слишком много воспоминаний. — Всё та же Вера.

В институте он часто задерживал меня в мастерской после пар. Мы пили чай и спорили — о цвете, о композиции, о смысле. Он тогда говорил: *«Ты чувствуешь не форму, а воздух между формами. Это редкость»*. Я тогда краснела, думала, что он просто подбадривает.

— Всё ещё рисуешь? — спрашивает он. — Я бы с радостью взглянул на твои работы!

Я смеюсь. Тихо, без радости.

— Нет. Даже не помню когда держала в руках настоящую кисть, в последнее время только иллюстрации к книгам. —

Станислав Сергеевич смотрит на меня нахмутив брови, и я пожимаю плечами. — Не идёт. Всё как будто умерло.

Он долго смотрит, будто решает, стоит ли лезть дальше.

— Ничего! У всех бывают паузы. Иногда они длятся годами. Главное — не объявлять себе приговор.

— Не знаю, — говорю я, и вдруг меня тянет на откровенность, слова вылетают раньше чем я успеваю подумать. Мне некому пожаловаться и рассказать о своих проблемах. Приятно встретить человека не из своей прошлой жизни, с ним легче поделится тем, что происходит сейчас. — Я вообще не уверена, что останусь в Питере. С жильём тяжело, с работой тоже.

Он кивает, потом вдруг откидывается на спинку стула.

— Слушай, а ведь у меня как раз есть одно помещение. Не квартира — мастерская. Вернее, бывшая мастерская. При институте. Просторная, там и жить можно было бы... Там был ремонт, но сама знаешь финансирование прекратили и... Так и остались белые стены и беспорядок. Пустует уже почти полгода. Видите ли, зачем студентам отдельная мастерская, пусть в аудиториях рисуют. Бюрократы! Ни чего не смыслят в искусстве!

— Я не потяну сейчас аренду, — сразу отвечаю и испугавшись мотаю головой.

— Какая аренда? Помещение бросили! Никому не нужно, а тебе в самый раз — усмехается он. — Доведешь его до ума, что-то принесу тебе на первое время. Обживешься,

вдохнешь жизнь в это брошенное место!

— Я не уверена, что смогу.

Как я могу вдохнуть жизнь в помещение, когда во мне пустота.

— Не узнаешь, пока не попробуешь, — он смотрит прямо, и в этом взгляде нет жалости. Вернутся никогда не поздно, а вот попытать удачу... Может это то, что тебе нужно сейчас? Белые станы и беспорядок?

Я колеблюсь. Внутри страх. Всё это слишком похоже на шанс, а я давно перестала в них верить. Но Станислав Сергеевич не дает мне время на раздумье, тянет за руку, и я поднимаюсь.

— Все, пошли, пошли, — он кидает деньги на стол за мой кофе, машет официантке, и подталкивает меня вперед.

Мы идём по знакомым улицам. Серый асфальт, неровные тротуары, старые вывески — будто город застыл в той эпохе, когда я ещё верила, что всё впереди. Станислав Сергеевич что-то рассказывает — про студентов, про вечные проблемы с деканатом, про новые курсы. Я киваю, отвлекаюсь от своих проблем и самокопаний.

Мы сворачиваем за угол. Институтский городок. Те же красные кирпичные стены, запах масляной краски и влажной штукатурки. Всё будто сжалось от времени, но внутри у меня что-то щёлкает. В груди поднимается волнение — щемящее, странное. Здесь всё началось. Здесь я впервые почувствовала, что живу.

— Ты бы видела себя тогда, — говорит Станислав Сергеевич, когда мы проходим по двору. — Худющая, в рубашке, измазанной краской, с глазами, будто ты видишь мир, а остальные — нет.

— Было время, — усмехаюсь я. — Тогда всё казалось возможным.

— А что изменилось-то? Всегда возможно всё! — отвечает он, останавливаясь у небольшой двухэтажной пристройки, заросшей кустами и деревьями. — Вот, пришли.

Он вставляет ключ, дверь с хрипом открывается. Первое, что чувствую, — запах. Пыль, краска, штукатурка, немного влаги. Второе — свет. Огромные окна под потолок, белые, ровные стены. Пол усыпан старыми газетами и пленкой, в углу сложены доски и ведра.
Пусто, но... живо.

Я делаю шаг внутрь. Пол скрипит. Внутри будто шевелится память. Вот там когда-то стоял мой мольберт, а чуть подальше стол, где мы пили чай.

— Всё осталось почти так же, — говорит Станислав Сергеевич. — Немного грязи, но стены крепкие. И свет — посмотри, какой здесь свет.

Я молча провожу ладонью по стене. Холодная, шершавая. На пальцах остаётся белая пыль.

— Свет хороший, — тихо соглашаюсь, внутри что-то искрит.

— Я знал, тебе понравится. — Он улыбается, смахивая пыль с подоконника. — Можешь пожить здесь. Есть старая

раскладушка, отопление работает, вода есть, все удобства. Ну а если душ сломается, можешь в общагу сбегать. Помнишь же где она? — я киваю. — Ну а стены... Считай, что это твои новые холсты.

— Станислав Сергеевич... я не уверена, — говорю я. — Я ведь не та, что раньше.

Он оборачивается, смотрит долго.

— Та, что раньше, всё ещё в тебе. Просто спряталась. Не переживай, она выйдет. Ей нужно место. — Он делает паузу и добавляет мягче: — Начни... Просто с уборки, а там, — он пожимает плечами. — Может что-то и придет, смотрит на часы. — Ой, все! Вер, мне бежать надо! — он протягивает мне ключи, быстро пишет что-то в блокноте и вырвав лист протягивает мне. — Если что звони. Но я после всех пар обязательно забегу. Охрану я предупрежу. Пропуск сделаю. — Разворачивается и быстрым шагом идет к выходу.
— Вера... — голос тихий, но уверенный. — Не бойся начинать заново.

Он уходит, а я остаюсь. Тишина. Только далёкие голоса студентов. Резко выдыхаю и хлопаю в ладоши, чтобы собрать себя и приступить к работе. Кровь начинает бурлить за делом. Работы много, но я не боюсь. Мыслям сейчас не место в моей голове, есть только грязь, пыль и мои руки.

Три дня. Я убирала, драила, вычищала всё, что могла. Отскребла стены, отмыла пол до блеска, вытащила мешки мусора. Очищала не помещение — себя.

Станислав Сергеевич приходил каждый день — приносил холсты, краски, кисти и так по мелочи для жизни.

— Теперь у тебя полноценная студия, — усмехался он, ставя очередную коробку у двери.

Станислав Сергеевич окидывал взглядом прогресс хозяйским прищуром, но ничего не говорил — только ставил чай на стол, пару минут болтал о студентах и ушел, оставляя меня один на один с тишиной.

Это место стало пригодным для жизни. Но я так вымоталась. Плечи ломит, пальцы немеют, ноги подкашиваются. Я едва стою.

Хочу просто дойти до раскладушки, упасть и отключиться. Прохожу мимо большого белого холста. Взгляд цепляется за него. Останавливаюсь. Оно смотрит на меня, похожее на зеркало, которое показывает не отражение, а то, от чего я бежала.. Пустой, чистый. Не знаю почему, но не могу отвести взгляд, словно под гипнозом.

Секунда.

Другая.

Потом рука сама тянется. Кисть. Краска. Не думаю. Про-

сто макаю кисть в краску.

Первая линия — резкая, чёрная. Вторая — глубокая, красная.

Плечи напряжены, движения быстрые, резкие, как дыхание в панике. Краски ложатся жирно, густо, нервно, летят, стекают, смешиваются.

Я не понимаю, что делаю. Просто внутри что-то рвётся наружу. То, что я прятала много лет, поднимается, прорывается, рвёт кожу изнутри. И выливается на холст. Дыхание сбивается. Слёзы текут, но я не замечаю их.

Когда наконец делаю шаг назад, холст живой. На нём — не просто формы, не просто тени. Ребёнок. Маленький, хрупкий, в утробе. В свете, в воде, в покое. Не идеально, не анатомично, но — **настоящий**.

Я падаю на колени. Плачу. С криком рвущим все вокруг. Я много раз плакала из-за прошлого, но всегда это были тихие слезы, словно я стеснялась их, но теперь... Вся боль словно нашла выход. Вот она, прямо передо мной, моя боль, и моя любовь. Ника.

Она была во мне. Она — была. Хоть и не долго.

Когда слёзы иссякают, внутри что-то меняется. На место боли встаёт странный мягкий свет. И мысль, ясная, спокойная: *Дальше.*

Я поднимаюсь. Туман в голове, руки ватные, но я вижу стены. Берусь за большую кисть. За ведро с разбавленной краской. Рука ведет сама, я просто подчиняюсь внутреннему

ощущению, не думаю, просто делаю.

Я не замечаю времени. Не замечаю, как ночь сменяет вечер. Как темнота рассеивается.

Когда слышу шаги — мир ещё вибрирует краской.

— Вера... ты хоть спала?

Голос Станислава мягкий, удивлённый. Он стоит в дверях с портфелем.

Осторожно делает шаг, затем второй. Глаза бегут по стенам, замирают на каждом силуэте.

Я улыбаясь наблюдаю за ним стоя на стремянке.

— Господи... — почти беззвучно выдыхает он, пытается сказать что-то еще, но словно лишился дара речи.

Он подходит ближе, медленно, будто боится потревожить. Смотрит на меня — не как на ученицу, а как на художника. Живого. У него глаза блестят, когда он смотрит на стену, которую я рисовала всю ночь.

Я ни спала ни секунды, даже не помню пила я чай или нет. Из меня все вырывалось потоком, словно кто-то другой рисовал, а я лишь была инструментом.

Станислав заворуженно осматривается, а затем его взгляд падает на холст. На Нику.

Он застывает.

Если бы сейчас здесь упала монетка — это было бы подобно удару колокола.

— Вера... — хрипло произносит он и сглатывает. — Что это?

Спускаюсь со своей стремянки, Станислав Сергеевич продолжает смотреть на картину, словно его заколдовали. Встаю за его спиной и с нежной улыбкой тоже смотрю на холст, на свою девочку, на этот тихий свет в её силуэте. А внутри больше нет боли, есть благодарность, за то что она была со мной.

— Это Ника, — говорю я не чувствуя больше боли. Это имя больше не раздирает меня изнутри. — Моя дочь. Которой не суждено было появиться на свет.

Он закрывает глаза на секунду. Глубоко вдыхает. Не спрашивает ничего. Не лезет в душу. Просто стоит рядом и смотрит на картину.

— Я так долго прятала ее в себе... — голос начинает дрожать, и я сбиваюсь.

Он поворачивается ко мне. И в его глазах нет жалости. Только уважение. И понимание.

— Она красивая, — тихо говорит Станислав Сергеевич
Я улыбаюсь. Нежно.

— Знаю.

Станислав Сергеевич обнимает меня за плечи, и мы еще несколько минут просто смотрим на картину, растворяемся в ней.

Следующие недели проходят как в тумане. Мастерская больше не похожа на пустую коробку. Картины прислонены к стенам, банки с краской повсюду, тряпки на полу, на подоконниках — кисти в банках с водой. Пахнет растворителем, красками и жизнью.

Я не просто рисую — я **живу**. Каждое утро начинаю с того, что включаю чайник, ставлю чашку на подоконник и беру кисть. Кисть — как продолжение руки. Я не думаю, что делаю. Просто дышу краской.

Пальцы дрожат, когда касаются холста. Но внутри — уверенность, как будто я наконец вспомнила язык, на котором говорила всю жизнь.

Картины рождаются одна за другой. Женщины. Силуэты, движения, свет. Каждая — своя история. Одна — изломанная, с закрытыми глазами, будто держит крик внутри. Другая — почти прозрачная, и через неё пробивается свет. Третья — стоит спиной, волосы спадают, и вся она — из ветра.

Иногда я сама не понимаю, откуда всё это. Рисую до ночи, до боли в спине, до дрожи в пальцах. Засыпаю прямо на стуле, просыпаюсь и продолжаю. Мозг молчит, тело работает. Каждая картина — как вдох после долгого удушья.

Станислав Сергеевич иногда приходит. Тихо, без лишних слов. Приносит чай, пирожки, какие-то книги. Садится в углу, смотрит. Иногда что-то записывает в блокнот. Я не спрашиваю, что он пишет. Мне всё равно. Он не мешает — просто есть, и этого достаточно.

— Ты понимаешь, что делаешь не просто картины? — однажды говорит он.

Я поднимаю голову, вся в краске, волосы спутаны, рука дрожит.

— Нет, — отвечаю. — Я просто дышу. Мне это нужно,

даже больше чем воздух.

Он улыбается, но не спорит.

Иногда, когда он уходит, я замечаю, что оставил еду на подоконнике — яблоки, сыр, хлеб. Забота тихая, как воздух. Я ем, грею чай и снова возвращаюсь к кистям.

Время теряет форму. День сменяется ночью, ночь — утром, и всё это растворяется в красках. Мне не нужно больше думать о прошлом. Я просто рисую. Здесь и сейчас.

Однажды вечером, когда я наконец отрываюсь от холста, Станислав медленно обходит мастерскую с телефоном в руке. Он фотографирует. Молча. Без вспышки. Снимает каждую картину — ту, что у стены, и ту, что ещё не высохла. Потом что-то набирает.

— Кому вы это отправляете? — спрашиваю я, вытирая руки о тряпку.

— Старому коллеге, — спокойно отвечает он. — Куратору в одной галерее. У них скоро выставка молодых художников. — Он улыбается, но глаза серьёзные. — Думаю, им стоит увидеть, как ты дышишь.

Я не успеваю ответить. Он поднимает телефон, делает ещё один снимок.

— Это только начало, Вера, — произносит он почти шёпотом. — Ты даже не видишь что ты творишь... Для тебя это жизнь.

Шум. Голоса. Смех. Тонкие бокалы звенят, отражая свет ламп под высоким потолком. А я стою внутри всей этой суеты и не чувствую ног.

Людей много. Слишком много. И я — просто пытаюсь дышать.

Руки дрожат так, что я спрятала их в карманы платья. Ладони потеют. В висках — стук крови.

«Каракули».

Голос Лёши. Чёткий, мерзко-уверенный.

«Этим не зарабатываешь».

«Это хорошо только для развлечения».

«Хорошее хобби для жены».

Я моргаю, пытаюсь прогнать его голос, но он как будто встроился в стены. Каждый смех кажется насмешкой. Каждый взгляд — приговором.

Я хожу между людьми, будто в тумане, но парадокс — возле моих картин стоит такой плотный круг, что к ним даже не подойти.

Я слышу:

— *«Кто это написал? Боже... это потрясающе».*

— *«Посмотри на линии. Они как оголённые нервы».*

— *«Это уровень, не знаю... европейских арт-домов».*

И всё равно внутри шепчет Лёша: *«Переоцениваешь себя».*

«Ты не художник. Ты девочка с кисточкой».

Мне становится дурно.

Станислав Сергеевич появляется рядом настолько тихо, что я вздрагиваю.

— Держись, — говорит он мягко. — Ты справляешься лучше, чем думаешь.

Я улыбаюсь, но неуверенно.

— Пойдём, — добавляет он и кладёт ладонь мне на плечо.

— Хочу познакомить тебя с одним человеком.

Мы протискиваемся через толпу, и я замечаю мужчину — лет пятидесяти, элегантный, уверенный, с мягкой улыбкой и строгими глазами. Он словно смотрит прямо *сквозь* людей.

— Вера, — говорит Станислав Сергеевич, — это Артём Львович, владелец галереи.

— Очень приятно... — начинаю я, но голос срывается.

Он протягивает мне руку. Смотрит внимательно — не как на начинающую художницу. Как на кого-то, кого оценивают. От этого снова холодеют ладони.

Он медленно осматривает стену с моими работами, качает головой, будто ругает себя.

— Зря я послушал Станислава, — произносит он.

Сердце опускается в пятки. Пол уходит из-под ног. *Вот... вот оно. Сейчас скажет, что ошиблись. Что нужно снять работы. Что всё это ошибка.*

Я сглатываю.

— Простите... я... понимаю... если...

— Нет-нет, — Артем Львович поднимает брови, словно удивлён моей реакцией. — Я зря послушал его в одном: надо было не включать ваши работы в общую экспозицию.

Я замираю.

— Почему?.. — голоса почти нет, во рту засуха.

Он улыбается — спокойно, уверенно.

— Потому что вы затмили всех остальных. Гости стоят только у ваших работ. Остальные художники остались в тени. Это моя непростительная ошибка.

У меня перехватывает дыхание.

Станислав Сергеевич смеётся тихо, довольно, хотя видом делает, что «ничего необычного».

— Я никогда не видел такого на открытии, — продолжает Артём Львович. — Честно — зря мы сунули вас в общую выставку. Вам нужна отдельная.

Я моргаю. Несколько раз. Сглатываю. Все кажется сном. Может я рисовала в мастерской и... упала, теперь это только мои фантазии?

— Отдельная?..

— Через две недели. У моей коллеги — куратора из частного культурного фонда — как раз намечается «День нового таланта». И у неё до сих пор нет никого. А вы... — он осматривает меня с головы до ног. — Вы именно то, что нужно. Свежо, эмоционально, живо. Честно до боли.

Меня бросает в жар.

— Но... я не уверена, что смогу...

— Решать вам, я лишь предлагаю, — он пожимает плечами. — Иногда художнику нужен толчок. Вы его получили. Теперь дело за вами. — Он сжимает моё запястье — мягко, тепло. — Вера, вы — открытие этого вечера. Не упустите момент.

Я улыбаюсь. Сначала робко. Потом — шире. И... Киваю, принимая его предложение.

Артем Львович уходит так же быстро, как появился. Мир начинает вращаться вокруг меня. Я словно оказалась в прошлом, словно мне не тридцать пять, а двадцать три, я заканчиваю институт и моя мечта сбывается. Я ведь забыла, что когда-то мечтала поучаствовать хотя бы в групповой выставке, а тут ПЕРСОНАЛЬНАЯ!

И в этот момент Лёшин голос внутри... просто обрывается. Затихает, появляется вера в себя и легкое покалывание кончиков пальцев, им уже не терпится приступить к работе.

Мне становится дурно от происходящего. Выхожу из галереи и опираюсь спиной о стену. Закрываю глаза.

Всё внутри дрожит.

Шум голосов за дверью гаснет, остаётся только моё дыхание — короткое, будто я пробежала марафон.

Персональная выставка. Через две недели. Серьёзно?..

Дверь галереи резко открывается.

— Вера!

Я вздрагиваю — Станислав вылетает наружу как ураган. Лицо взволнованное, глаза блестят. Он подбегает и хватается

меня за плечи.

— Ты понимаешь, что сейчас произошло?!

Я едва успеваю моргнуть.

— Станислав Сергеевич, вы чего... что случилось?..

Он буквально трясёт меня, будто пытается встряхнуть последние остатки сомнений.

— Твою картину купили!

— Что?.. — я даже не успеваю ощутить эмоцию, слишком внезапно.

— Ту, с женщиной в ветре! Прямо сейчас! Её только что сняли со стены!

Я смотрю на него... и не понимаю.

— Это ведь... только одна работа...

Он закатывает глаза, будто я сказала что-то невозможное.

— ОДНА РАБОТА!? Ты вообще представляешь? Здесь, — он машет рукой в сторону галереи, — на таких открытых мероприятиях никто ничего не покупает! Это почти благотворительность! Люди приходят показаться, поговорить, выпить вина. Продаж почти не бывает. Иногда одну за вечер — если повезёт.

— Но вы же сами...

— А у тебя ее купили через сорок минут после открытия! — Он будто подпрыгивает от восторга. — Ты не понимаешь, Вера! Это успех! Настоящий, живой, огромный успех, который другие художники ждут годами!

Я стою ошарашенная, слова не укладываются.

— Правда?.. — тихо спрашиваю я. — Это... важно?

Он резко хватается меня за щеки, как ребёнка, и начинает тараторить, почти крича, не скрывая эмоций:

— Важно?! Да это... это прорыв, Вера! Это... это... — он осекается, делает глубокий вдох и резко выдыхает. — Я горжусь тобой. Понимаешь? По-настоящему.

Горло перехватывает. Я отвожу взгляд в сторону.

— Но... я не уверена, что смогу сделать ещё...

Он не даёт мне договорить.

— Сможешь. И не просто сможешь. ТЫ СДЕЛАЕШЬ. Потому что Артём Львович уже попросил: семь работ для твоей персональной выставки.

Я замираю.

— Семь?..

— Да! Три у тебя есть. — Он загибает пальцы. — Остаётся четыре. И одна из них должна стать центром экспозиции. Сердцем. Опорой. Ты понимаешь?

Внутри всё плывёт.

— Станислав Сергеевич... я... боюсь.

Он мягко кладёт руку мне на плечо.

— Бояться нормально. Обуздай свой страх. Заставь его работать на тебя!

Мы несколько секунд просто молчим. Мне кажется, что я слышу собственное сердце.

Он улыбается уголком губ.

— Завтра начнёшь. А сегодня — отдыхай, получай ком-

плименты и просто наслаждайся.

Я киваю, но внутри все еще не понимаю, что происходит.

Прошла неделя.

После выставки всё понеслось. Артём Львович позвонил уже на следующее утро: продались ещё две работы. Станислав пришёл с бутылкой дорогого шампанского и мы пили его из пластиковых стаканчиков, сидя прямо на полу среди моих холстов.

Я смеялась. Я — смеялась, словно снова мне двадцать, словно впереди — мир, и он не против.

Денег стало... не много, но достаточно. Я купила новые кисти — дорогие, тяжёлые. Палитру. Несколько больших холстов.

И мне казалось — сейчас я напишу всё.

Сразу.

Легко.

Но на следующий день, когда я подошла к первому чистому холсту — пустота. Какой-то страх внутри, он сковывает, не дает прикоснуться к холсту, такое мерзкое ощущение, что я все испорчу, что все что произошло всего лишь случайность.

Ладонь вспотела. Кисть стала тяжёлой, как свинец. Грудь сжалась так, будто внутри — воздух закончился.

Я пытаюсь. Сделала мазок — но не то! Он ложится, но словно это я ему приказываю быть здесь, кривой неровный,

именно там где я хочу, но пустой. Сделала другой — грубо, криво, не то, просто грязь.

Внутри начало подниматься знакомое. Тихий холод. Глухой.

— Ну что? Увидела, да? Ты не художник, Вера. Это хобби. Развлечение. Дамское увлечение.

Голос Лёши.

Я вздрагиваю, отступаю, будто кто-то толкнул в грудь.

— Нет, — выдохнула. — Нет.

Но от этого он только становился громче.

— Ты думаешь, что поймала удачу за хвост? Это случайность. Тебе повезло. Ты никогда не доводишь до конца. У тебя нет таланта. Только эмоции — дешёвые, сопливые. Давай заплачь, устрой очередную драму!

Я зажмуриваюсь. Пальцы дрожат.

Холст передо мной — белый. Такой белый, что режет глаза. Я снова поднимаю кисть, пытаюсь вдохнуть глубже.

Не получается. Краска ложится неровно. Цвет — мерзкий, мёртвый. Линия — как царапина.

Я швыряю кисть в ведро. Шум отлетает эхом от стен.

— Чёрт. Чёрт! — голос надрывается, ломается.

Пытаюсь снова. Порчу второй холст. Третий. И со злостью хватаю черную краску и закрашиваю все что получилось.

Внутри — всё то же:

— Я тебе говорил. Ты ни на что не способна. Ты даже родить не смогла! Думаешь, справишься с картиной? Я был

прав. Я всегда был прав.

Внутри все дрожит, что-то просыпается, я уже не слежу за своей рукой. Бросаю одну кисть, хватаю другую.

Линия.

Решётки.

Снова.

С тенью.

С тем, что смотрит из глубины — не лицо, глаза. Его глаза. Холодные. Властные. Полные лжи и контроля.

Клетка.

Тёмная.

Плотная.

Я вывожу прутья — толстые, неровные, будто царапаю поверхность. Внутри — силуэт. Сломанный. Почти незаметный.

Я сама не знаю, кого рисую. Себя? Его? Нас?

Но когда делаю шаг назад — вижу.

Это я. В его клетке. И в ней же — он. Два силуэта, сплетённые из зависимости, боли, вины. Оба закрыты. А его страшные злые глаза в не клетки, словно смотрят на меня с холста.

Я стою перед картиной — и руки трясутся. Но внутри — не пусто. Не страх. Это ярость.

Тихая.

Собранная.

Такая, от которой теплеет тело.

— Нет, — говорю я вслух, спокойно, почти шёпотом. —

Я выйду.

Я смотрю на картину.

Она — живая.

Злая.

Правдивая.

Моя.

После этой ночи, когда я нарисовала клетку, что-то будто щёлкнуло внутри. Просто — щелчок. И пустота исчезла.

Я проснулась утром, не боялась белого холста. Не боялась себя. Внутри, там, где годами жили комки боли, — стало пусто и легко, как в квартире после генеральной уборки.

Я смотрю на картину с клеткой. Она — тёмная, тяжёлая. И я понимаю, что все тяжёлое и темное, все что тянуло меня вниз, теперь *на холсте*, а не во мне.

Я улыбаюсь. И беру новую кисть. Дальше всё идёт так легко, что я бы сама не поверила, если бы мне рассказали.

Я рисую утром. Днём. Вечером. Иногда до рассвета. С диким наслаждением, больше я не выпускаю боль, а вкладываю часть себя в картины.

Линии текут плавно. Краска ложится уверенно. Цвета сами выбирают себя.

Будто кто-то наконец открыл кран, и всё, что во мне было годами, просто... льётся.

Женские силуэты становятся сильнее. Мягче. Глубже. Без истерики, без грязи — прозрачные и живые.

Каждый холст — как шаг вперёд от прошлого. Оставше-

еся время пролетело за работой. Я успела закончить все работы и даже сделать главную картину выставки, глубокую, чувственную женщину, окутанную разами с шипами.

Прохожусь еще раз осматриваю картины, я довольна работами, они именно такие как я и хотела. Дверь мастерской тихо скрипнула и на пороге появились Станислав Сергеевич и Артем Львович. Они должны сегодня забрать картины, чтобы успеть все подготовить к выставке.

Станислав Сергеевич заметно нервничает, не может устоять на месте, а Артем Львович с серьёзным взглядом осматривает все картины.

— Вижу, что я не ошибся, — Артем Львович наконец улыбается, но тут его взгляд цепляет холст, который я поставила и отвернула к стене. Артем Львович по хозяйски берет его и разворачивает к себе и застывает, все его тело напрягается. — Это... как я понимаю, будет наше сердце?

— Нет, нет, — я тут же подхожу, пытаюсь забрать картину, поставить ее туда где она была, но Артем Львович не позволяет мне это сделать. — Это... Я так... баловалась... краски проверяла.

Артем Львович смотрит на меня с прищуром, он понимает.

— Вера, — строго на выдохе произносит он, отпуская картину. — С этой работой вы можете заработать имя. Поверьте моему опыту.

Я покачала головой.

— Нет. Эту... я не хочу выставлять. Это... слишком личное.

— Тем более, — к нам подходит Станислав Сергеевич. — Вера, Артем знает о чем говорит!

Артем сделал шаг. Его голос стал твёрже.

— Вера. Ты понимаешь, это может быть выстрелом в самое сердце. Это то, что делает художника известным. Ты можешь проснуться известной, а можешь оставить ее пылиться здесь и беречь дальше свою боль. — Внутри что-то кольнуло. Я снова смотрю на клетку, на глаза... на себя внутри. — Подумай. Дела твое. Работа что ты предложила тоже вполне сгодится, но это... это будет триумф.

Руки дрожат, я смотрю на эти глаза... Пусть они увидят, чего я смогла добиться, без него. Пусть увидят, как преобразилось мое хобби.

Я киваю и подвигаю холст Артёму Львовичу.

— Правильное решение, — Артём Львович улыбается коротко, уверенно. — Боль нельзя хранить. Её нужно показывать. Чтобы она перестала быть твоей.

Моя первая персональная выставка. Мои картины. Моё имя на афише — псевдоним, но я знаю, что за ним скрываюсь я.

Столько лет я не брала в руки настоящую кисть, но все же стою в зале, где повсюду мои картины.

Меня не трясет, нет нервов, все плавно и размеренно. Гости немного другие, более сдержанные, они важно прохаживаются по залу, в дорогих костюмах и платьях.

Я хожу между ними и... мне нравится. Мне нравится видеть, как кто-то вдруг замирает перед холстом. Как тянет к нему друзей: «Иди сюда, это посмотри». Как они спорят — не понимают, перебивают друг друга. Это всё про меня. Прото, что я прожила и вылила в краску.

«Каракули», — шепчет привычно где-то в глубине Лёша. Но сейчас его голос гложет в шуме. Потому что реальность громче.

Две картины из серии продались ещё до открытия — Артём Львович только пожал плечами и сказал: «Привыкайте, Соколова, ваши работы теперь ходовой товар».

Две картины не продаются принципиально — Ника и Клетка. Они стоят как ядро: одна — свет, другая — темнота. Меня предупредили, что люди будут пытаться их купить, но я уже знаю ответ: нет. Артём Львович полностью согласен с

моим решением, но не из-за эмоциональной привязки, а из-за практических соображений. Он считает, что у художника всегда должны быть те самые картины, которые все хотят, но не могут получить.

Я стою чуть в стороне, слушаю.

— «Посмотри, как она вытягивает фигуру, прям как будто ломает».

— «Вот это, с розами, вообще мурашки».

Улыбаюсь. Тихо. Мне хорошо. Даже в самых смелых мечтах в двадцать лет, а не могла представить себе такой быстрый взлет.

Но вскоре мой взгляд приковывает мужчина. Не знаю, сколько он уже стоит возле картины с Никой. Высокий. Широкие плечи. Белая рубашка, закатанные рукава, темно-серые брюки. Пальто перекинута через руку. Часы дорогие, но не кричащие. В нём есть какая-то сдержанная злость, как будто он давно живёт с болью и научился держать её в кулаке.

Мужчина стоит почти вплотную к картине. Одна рука убрана в карман брюк. Челюсть сжата. Все тело напряженно и в тоже время его поза выглядит очень расслабленной. И не двигается.

Я сначала делаю вид, что не слежу. Хожу, киваю, говорю «спасибо» тем, кто подходит. Но взгляд всё равно возвращается к нему. Проходит, пять, десять, двадцать минут. А он остается стоять возле картины с Никой. За это время я ни разу не увидела, что бы мужчина отвернулся или хотя

бы отвел взгляд.

Через полчаса мне надоедает делать вид, что меня это не цепляет. Я хочу узнать, почему он стоит возле этой картины, словно прирос к полу. Что его зацепило в ней? Я тоже могу смотреть на нее сутками, но в этой картине часть меня, а что его так привлекло?

Я подхожу, останавливаюсь на равне с мужчиной, но смотрю на картину, чтобы не показывать свою заинтересованность.

— Простите... — говорю спокойно, решаю начать с легкого общения. — В зале есть и другие работы. Может быть, вам будет интересно посмотреть остальные?

Он поворачивается резко, с таким видом, будто его отвлекли от очень важного дела. Взглядом скользит по мне сверху вниз. Не пошло — оценивающе. Но от этого взгляда становится не по себе, словно холодом обдает. Закончив свой осмотр, он поворачивается обратно к картине.

— Слушайте, — протягивает он устало, с ноткой ленивого превосходства. — Я понимаю. Вы красивая девушка. Но вы выбрали не того мужчину.

— Простите? — переспросила я, не уверенная, что правильно услышала. Часто моргаю, чтобы понять, что я все еще здесь, на своей выставке.

Мужчина чуть пожимает плечами.

— На таких мероприятиях девушки часто пытаются завести знакомство. Это вполне естественно. — уголки его губ

дрогнули и на лице на секунду появилась грустная улыбка. — Но честно... попытайте счастья с кем-то другим. Я сегодня не в настроении для флирта. Не тратьте свое время.

Он отмахивается, как от назойливой мухи. Щёки вспыхивают. Но я держусь. Доброжелательная улыбка медленно сползает с моего лица.

— Я не пытаюсь с вами познакомиться, — произношу ровно, гордо выпрямив спину. — Я всего лишь...

— Где куратор этой экспозиции? — перебивает он, даже не пытаясь слушать. Я для него пустое место. — Женщина, которая открывала вечер. Мне нужно с ней поговорить. Я должен купить эту работу.

Он кивает на мою девочку. На Нику. И что-то внутри меня скручивается в узел.

— Эта картина не продаётся, — произношу я с металлических холодом. Есть какое-то удовольствие в моих словах. Я сейчас приземлю этого напыщенного индюка.

Мужчина медленно снова поворачивается ко мне.

— Что? — на его лице усмешка недоверия.

— Она. Не. Продаётся. — Я произношу медленно, чеканю каждое слово с удовольствием.

— Девушка, — он делает маленький шаг ближе, голос понижается. Он не орёт, но становится... опасным. — Вы просто не понимаете. Мне нужна именно эта работа. Я всегда получаю то, что хочу.

— Но не в этот раз.

— Нет, я уйду с этой картиной отсюда,— он качает головой, чуть усмехаясь. — Я её беру. Это не вопрос. Это факт.

— Вам придётся с этим смириться, — отвечаю я так же ровно. — Она не продаётся.

Челюсть у него дергается.

— Если вы пытаетесь таким образом привлечь моё внимание...

— Господи, — не выдерживаю я. — Вы правда думаете, что всё в этом мире происходит ради вас?

Его карие глаза вспыхивают.

— Обычно да, — отвечает спокойно. Без шутки.

— Тогда поздравляю с новым чувством.

Он делает паузу.

— Куратора. Я куплю эту работу напрямую, — громко произносит он так что весь зал замирает и смотрит на нас.

— Этого не будет. — Я смотрю прямо в глаза. — Эта картина ни при каких условиях не продаётся.

— Вы кто такая, чтобы решать?

Я делаю шаг вперёд смотрю ему в глаза. Мы смотрим друг на друга. В воздухе искры.
Если бы кто-то сейчас прикоснулся — удар током обеспечен.

Тишина. И тут:

— Максим! — Голос Артёма Львовича разрезает напряжение, как нож.

Мужчина медленно переводит взгляд на него. Так. Максим. Отлично. Теперь я хотя бы знаю, как зовут самого мерз-

кого человека на этом света.

— Простите, что вмешиваюсь, — Артём Львович подходит, легко, почти невозмутимо. Элегантный в белом костюме с жёлтым платком-галстуком на шее. — Рад, что вы задержались у этой работы. Максим, познакомьтесь, это автор, — он чуть подаёт меня вперёд. — Вера Соколова, но вы заочно уже знаете ее как Вера Мира.

Максим смотрит так, словно пазл у него в голове вдруг сложился совсем не так, как он ожидал.

— Вы... — начинает он немного растерянно, вновь осматривает меня головы до ног, но в этот раз словно что-то ищет во мне.

— Извините, — говорю вежливо, но холодно. — Мне нужно вернуться к гостям.

Разворачиваюсь и ухожу, не давая ни одному из них возможности что-то еще сказать.

Сзади слышу, как Артём спокойно говорит:

— Эта работа не продаётся. И ещё одна — тоже. Остальное можем обсудить для вашего фонда, позже. Давайте отойдём, я покажу вам каталог. Возможно, специально для вас, Вера, сможет что-то создать индивидуальное.

Их голоса удаляются. Еще я не создавала. Что-то специально для такого напыщенного пижона! Не дождется!

Я иду в другой конец зала, останавливаюсь у окна. Ко мне подходят люди — спрашивают про технику, про смысл, про вдохновение. Я улыбаюсь, отвечаю, шучу, благодарю. Но где-

то за спиной всё равно чувствую его взгляд. Максима. Мужчины, который привык покупать всё, что ему нужно. И впервые в жизни услышал «нет». Его давно кто-то должен был это сделать!

Всю оставшееся время, я чувствовала его взгляд, но старалась даже не смотреть в его сторону, обходила стороной, чтобы лишний раз не столкнуться. ОН не испортил мне вечер, но сделал чуть напряженной.

Я до сих пор чувствую взгляд Максима. Но его здесь уже нет. Ушел почти час назад. А внутри — будто мерзкий след оставил.

Я стою у своей картины «Клетка», смотрю на свет, который ложится на прутья, и пытаюсь выровнять дыхание. Сегодня должна быть радость. Триумф. Первые шаги вверх.

Но всё перемешано: успех, гордость, раздражение. Максим. И его уверенность, что мир обязан принадлежать ему.

Выставка проходит оглушительно. Невероятно. Даже Артём Львович, обычно строгий и спокойный, сияет, будто это его персональная победа.

Алена Юрьевна — та самая куратор, уверенная женщина в идеальном чёрном костюме — подходит ко мне почти сразу после завершения мероприятия. В глазах у неё блестит азарт человека, который нашёл бриллиант там, где ожидал булыжник.

— Вера... — говорит она, беря меня за локоть. — Это успех. Вы понимаете? Настоящий. Чистый. Без скидок на жалость, новизну или случайность. Я молчу, не могу выдать ни слова. — Я хочу сделать вам отдельную выставку. Полную. Только ваши работы. — Я чувствую, как пол уходит из под ног. — Через месяц. Минимум пятнадцать работ. Все что сегодня не продается можете взять на следующую. Остальное — дописать. Я всё организую: каталоги, приглашения, прессу, фуршет. От вас — только картины. Но такие же... настоящие.

У меня запершило горло.

— Я... да. Да, конечно. Я смогу.

Она улыбается — мягко и тепло, как женщина, которая точно знает, что говорит не зря. И всё. Мир вновь рванулся вперёд. Я тут же забыла про этого нахального типа... ну по-

что забыла... или так мне сейчас кажется.

Во мне столько эмоций после выставки, что я не спала полночи. Странно, но мне захотелось поделиться всем произошедшим с Лешей. Не похвастаться, а просто рассказать о том, что произошло со мной. Но я сразу заглушила эту мысль. У него теперь другая жизнь, он теперь мне никто!

Утром я сразу сажусь за работу. Запах свежей краски заставляет руки задрожать от предвкушения. Станислав Сергеевич только что ушёл — махнул рукой, сказал:

— Трудись. Только не забывай хотя бы иногда есть.

И оставил мне пакет с горячими пирожками. Я стою перед чистым холстом — огромным, как дверь в другую жизнь.

Чувствую под кожей: всё получится. Не потому, что «должно». Потому что я могу.

Несколько минут просто смотрю на свет из окна. Он ложится тонкой линией на пол, на ведро с водой, на сохнувшие кисти. Красиво. Очень. Так красиво, что хочется нарисовать прямо свет. Образы собираются в моей голове, кисть с яркой желтой краской ложиться на холст. Я словно сливаюсь с кистью, перестаю существовать и тут... Максим. Его образ выкидывает меня обратно в мир.

Проклятый Максим, который стоял у картины с Никой почти час. Его профиль я успела изучить лучше, чем хотелось: сильная линия скулы, чуть впалые щёки, резкий изгиб переносицы. И взгляд — тёмный, глубокий, со сломанным бликом.

Я заметила его, а потом уже не смогла отвернуться. Что-то тянуло. Как воронка. Я всего лишь хотела узнать, что его так привлекло, а он... решил, что я... что я хочу познакомиться?! Что я одна из этих девушек, что на таких мероприятиях ищут мужчин с кошельком или фамилией?

Я сжимаю пальцы в кулак от воспоминания. Но всё равно... в нём было что-то. Слишком... живое. Настоящее. Как будто нашёл в моей картине кусок собственного горя.

И вот теперь — я снова думаю о нём.

Злюсь.

И думаю.

И снова злюсь.

Встряхиваю головой. Нет. Хватит. Он — никто. Просто гость выставки с плохими манерами. Мне нужно работать.

Хватаю кисть. Касаюсь холста. Делаю первый мазок — уверенный, глубокий. Линия рождается легко, как дыхание, а я расцветаю вместе с ней.

Музыка играет тихо, шуршит где-то в углу старый динамик. Я уже почти вошла в поток...

Как слышу щелчок двери. Станислав Сергеевич, наверняка пришел проверить, поела ли я или нет. Может, послал кого-то из учеников.

Но шаги... Не студенческие. Не торопливые, как у Станислава Сергеевича. Тяжёлые. Размеренные. Очень уверенные. Меня пробирает дрожь. Не страх. Напряжение.

— Можно? — спрашивает мужской голос, и я вздрагиваю.

Поворачиваюсь. Максим. Тот самый, который десять минут назад не давал мне приступить к работе. Который поселился в моей голове словно сорняк. Теперь стоит в дверях моей мастерской — высокий, спокойный. Совсем не похож на того, с кем я спорила вчера.

— Вам... что нужно? — спрашиваю я резко, будто он вторгся на мою территорию. Хотя так и есть по сути.

Максим делает шаг вперёд, медленно, осторожно.

— Не хочу мешать. Я просто...

— Что? — перебиваю я. Холодно. Грубее, чем хотело, но для него в самый раз. — Пришли купить эту студию? Или какая у вас прихоть на этот раз?

Он приподнимает бровь — чуть, едва заметно. Не обижается, не злится. Просто... смотрит. Слишком внимательно. Будто пытается понять, что со мной не так.

— Нет, — отвечает спокойно. — Я пришёл сюда не ради покупок.

Он делает ещё полшага, но останавливается, словно нарочно держит расстояние.
Тон ровный. Удивительно ровный, учитывая, что я в него почти кидаюсь словами, как ножами.

— Тогда что? — я почти шиплю. — Я работаю. И вы... мешаете.

Он слегка кивает, принимая удар.

— Прошу прощения, — произносит он почти бесшумно. Опускает взгляд — не в пол, нет. На мои руки. На кисть

и жёлтую краску, стекающую по рукоятке. — Я хотел извиниться, — говорит тихо.

Моё сердце спотыкается.

— Я был неправ вчера. — Он делает короткую паузу, будто подбирает честные слова. — Очень неправ. И... возможно, груб. Я не должен был так с вами говорить. Он выдыхает. — И в качестве извинений я хотел бы пригласить вас на обед. Артём Львович сказал, что вы иногда так увлекаетесь работой, что забываете о еде.

Я моргаю. Раз. Два.

— Извиниться? — переспросила я, голос хрипнет от удивления. — За что именно? За то, что вы решили, будто каждая женщина в зале обязана хотеть познакомиться с вами? Или за то, что пытались купить мою картину, игнорируя слово «нет»?

Он даже не морщится. Держит мой удар прямо.

— За всё. — Тихо. Спокойно. Без попытки спорить.

Я отворачиваюсь обратно к холсту и подношу руку.

— Хорошо, ваши извинения приняты. Теперь можете идти. Мне нужно работать, — произношу я, искоса наблюдая за ним.

— Не буду вам мешать, — он кивает, разворачивается.

Я уже готовлюсь вдохнуть — сейчас, ещё секунда, он выйдет...

Но он останавливается у окна. Спокойно садится на подоконник.

— Я подожду здесь, пока вы проголодаетесь.

— Вам придётся слишком долго ждать, — бросаю я, даже не удосуживая его взгляда. Вот еще!

— Я так и предполагал, — усмехается... Усмехается?

Во мне вспыхивает раздражение, но я выдыхаю и делаю вид, что мен его слова не задевают, сосредотачиваюсь на работе, словно этого нахального типа и не существует.

12

Я делаю вид, что работаю. Делаю вид, что мазок мне удаётся. Делаю вид, что вообще способна думать о линии, цвете, форме...

Но я не могу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.